

А. В. ЕРОХИН

РУБЕЖИ КЛАНА КЕННЕДИ *

НАРАЩИВАНИЕ «НЕГАТИВНОЙ МОЩИ»

Незадолго до прихода в Белый дом Дж. Кеннеди подчеркивал, что мирное сосуществование двух систем возможно лишь после того, как «наше военное могущество будет превосходящим»¹. Поэтому, став президентом, Кеннеди быстро оказался во главе тех, кто неизменно ратовал за увеличение расходов на военные цели, и на это, как он считал, не нужно жалеть средств.

Еще в 1951 г. Дж. Кеннеди говорил: «Доллар сегодня — это стратегический материал, и использование его в невоенных целях должно быть прекращено»². В декабре 1959 г., отвечая на вопрос, а где же взять доллары, он сказал: «Нужно решить сначала, что важно для безопасности нашей страны, а затем уже думать, откуда изыскивать средства. Это потребует от нас жертв... При обеспечении безопасности нельзя торговаться». И Кеннеди не торговался. Менее чем за три года количество ядерных боеголовок увеличилось на 150%, общий мегатоннаж стратегической авиации, находящейся в состоянии боеготовности, — на 200%, число самолетов стратегического назначения, находящихся в 15-минутной боевой готовности, — на 50%, мощь тактических ядерных сил в Западной Европе — на 60%, число атомных подводных лодок с ракетами «Поларис» — на 50%³.

Это было самое быстрое наращивание вооружений за всю историю страны в мирный период, дорого обошедшееся американскому народу и еще раз подтвердившее характеристику империализму, данную В. И. Лениным: «Империализм, т. е. монополистический капитализм, окончательно созревший лишь в XX веке, по экономическим его коренным свойствам, отличается наименьшим миролюбием и свободолубием, наибольшим и повсеместным развитием военщины»⁴.

Согласно стратегии «гибкого реагирования» в США шла подготовка к ведению любых войн: ядерных и обычных, мировых и ограниченных. Но в первую очередь делалась ставка на всеобщую ядерную войну. Для отвода глаз невиданная в истории гонка вооружений объяснялась стратегией «контрсилы» или «силы второго удара». Мол, США придется выдержать массированную ядерную атаку СССР и нанести ответный уничтожающий удар, а для этого нужно иметь не просто силы «сдерживания» или превосходство в ядерных силах, а определенную степень превосходства.

Уже в мае 1961 г. Дж. Кеннеди объявил о начале повсеместного строительства атомных бомбоубежищ в стране, которые необходимо было снабдить продовольствием, водой, медикаментами и другими припасами. Все это делалось для того, чтобы, спрятав людей и ракеты под землю, развязать себе руки и быть готовыми к превентивной войне, о чем в 1962 г. сообщила газета «New York Herald Tribune»: стратегия «гибкого

* Окончание. Начало см. № 4, 1973 г.

¹ Цит. по: J. B u r n s. John Kennedy. A Political Profile. New York, 1960, p. 251.

² «Boston Globe», 16.V.1951.

³ J. K e n n e d y. The Strategy of Peace. New York, 1961, p. 246; е г о ж е. The Burden and the Glory. New York, 1964, p. 268—269.

⁴ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 248.

реагирования» — это «угроза начать превентивную войну, т. е. сбить русских с ног, нанеся им первый удар»⁵.

Рассуждая о стратегии «контрсилы», А. Шлезингер-младший писал: «Фактически, чтобы добиться успеха, мы должны, по-видимому, нанести удар в то время, когда их (русских. — А. Е.) ракеты еще находятся на пусковых установках»⁶. Т. Соренсен вспоминает, как Дж. Кеннеди в ответ на опасения многих сенаторов и союзников США, что американское правительство придает слишком большое значение неядерным силам из-за боязни нажать на ядерную кнопку, ответил: «Это чепуха». Он считал, что главным для США должен быть принцип Теодора Рузвельта: «говорить мягко и держать наготове большую дубинку»⁷. Под «большой дубинкой» Дж. Кеннеди имел в виду не обычные, а ядерные силы. Опасения сенаторов и союзников США, следовательно, были напрасными. Просто их сбил с толку невиданный доселе размах подготовки обычных и специальных американских войск по борьбе с национально-освободительным движением. Войска эти были особой гордостью президента.

Настоятельная потребность увеличения обычных и специальных войск стала очевидной для правительства уже в апреле 1961 г., когда вооруженные и подготовленные ЦРУ контрреволюционеры совершили пиратское нападение на Кубу. Авантюра эта, как известно, закончилась полным разгромом головорезов и взятием их в плен. США не решились на прямую поддержку банды ни во время нападения на остров Свободы, ни после провала авантюры. В кругах президента сетовали на то, что американская дивизия не была приспособлена (наследие стратегии «массированного возмездия») к ведению обычных войн и к войне в партизанских условиях. Единственное, на что решились США, — это поддержать банду контрреволюционеров с воздуха, хотя содеянное и отрицалось госдепартаментом и ЦРУ.

Разгром специально подготовленных кубинских контрреволюционеров надолго запомнился Кеннеди. Крах авантюры, предпринятой ЦРУ против острова Свободы, стал одной из главных причин того, что США не стали на путь прямой интервенции в Лаосе в 1961 г. «Благодаря богу, у нас уже был Залив Свиней, — говорил Кеннеди Соренсену. — Иначе мы были бы сейчас в Лаосе, а это в 100 раз хуже»⁸.

Несмотря на огромные усилия по созданию и подготовке специальных войск, они, по мысли Кеннеди, не предназначались для ведения непосредственных военных действий. Президент сознавал, что успех борьбы с партизанами во многом зависит от местных условий и отношения населения. Американскому корпусу высококвалифицированных специалистов надлежало обучать марионеточные силы искусству особой войны, открывать огонь им разрешалось только при чрезвычайных обстоятельствах. США брали на себя снабжение марионеточных войск оружием и экономическую помощь. Военным атташе, советникам и инструкторам было приказано в срочном порядке изучить язык страны пребывания. В военных академиях и колледжах США был введен специальный предмет — противопартизанская борьба.

Свое испытание на прочность стратегия «гибкого реагирования» получила главным образом во Вьетнаме. Президент, считавший рискованным опираться в Индокитае лишь на голую силу, одобрил предложения научно-исследовательской группы по Южному Вьетнаму, созданной в апреле 1961 г., о проведении в этой стране широкой программы военных и социальных реформ. Но, как показал дальнейший ход событий, о социальных реформах вскоре было забыто. Было осуществлено строительство концентрационных лагерей, названных стратегическими деревнями, в которых по плану в заключении должно было находиться до 15 млн. человек. «Не правда ли, какой иронический способ защищать крестьянские массы от коммунизма, загоняя их в стойло, окаймленное проволочным ограждением и находящееся под полицейским надзором, для того чтобы подвергать их усиленной идеологической обработке и сжигать их деревни. Но бедные вьетнамцы — не домашние животные»⁹, — комментировалась эта политика в прессе Южного Вьетнама в сентябре 1963 г.

⁵ «New York Herald Tribune», 22.VI.1962.

⁶ A. Schlesinger, Jr. A Thousand Days. Boston, 1965, p. 501.

⁷ T. Sorensen. Kennedy. New York, 1966, p. 709, 579—580.

⁸ Ibid., p. 726.

⁹ «The Minority of One», December 1964, p. 9—10.

К концу 1963 г. в Южном Вьетнаме было уже 16 тыс. американских солдат и офицеров (до 1961 г. — одна тысяча). Увы, стратегия «гибкого реагирования» работала вхолостую. Джонсон увеличил число американских войск до 600 тыс. Изменений никаких, разве что маршрут Сайгон — Вашингтон — Арлингтонское кладбище стал перегруженным.

Самый факт беспрецедентного увеличения численности американских войск во Вьетнаме свидетельствовал о крахе стратегии «гибкого реагирования». Ведь смысл ее для Вьетнама был несколько иной. Но марионеточные войска Южного Вьетнама, терпя одно поражение за другим (несмотря на высококвалифицированные советы, самое современное вооружение и хрустящие долларовые бумажки), не могли обойтись без американских войск, которые, однако, тоже не помогли. Правительство Кеннеди стояло перед дилеммой: либо уйти, либо продолжать эскалацию. И в том и в другом случае от стратегии приходилось отказываться.

Кеннеди за несколько недель до гибели понял, что его политика в Юго-Восточной Азии потерпела провал. «Война во Вьетнаме не может иметь успеха как война белых против азиатов, — признался он. — Она не приведет к победе, если народ Южного Вьетнама не поддерживает ее... Мы можем помочь им, мы можем дать им оружие, мы можем послать туда наших людей как советников, но они, народ Вьетнама, должны выиграть ее». Почему же в таком случае США не ушли из этой страны? В 1961 г. «президент, без сомнения, чувствовал, — как утверждал Шлезингер, — что отступление американцев в Азии может окончательно изменить мировой баланс сил»¹⁰.

Осенью 1963 г. ситуация изменилась, и после переизбрания на второй срок президент собирался вывести все американские войска из Вьетнама. «В 1965 г., — говорил Кеннеди своему помощнику К. О'Доннелу, — меня всюду будут осуждать как умиротворителя коммунизма, но тогда мне будет безразлично»¹¹. Именно к такому выводу о планах Кеннеди пришел американский реакционный генерал Т. Лейн, осуждавший президента за возможный «шаг к миру»¹².

Утверждение О'Доннела о мирных намерениях Кеннеди в значительной мере опровергает многочисленные заявления Л. Джонсона о том, что он только продолжал политику Кеннеди во Вьетнаме. В подходе этих двух президентов к принципам и методам борьбы с национально-освободительным движением существовали немалые различия. Однажды Джонсон откровенно сказал об этом своим советникам¹³. Еще более красноречиво говорят факты. Воспользовавшись бумом военного строительства, Джонсон пошел на невиданное расширение войны в Южном Вьетнаме, бросив в бой регулярную армию США. Лицемерно зывая к миру, он приступил также к бомбардировкам ДРВ, варварски истребляя мирный народ, сжигая их селения напалмом.

«Я знаю мало войн, ведущихся более жестоко или более разрушительно, или с большим проявлением голого цинизма, чем американская война, — писал Бертран Рассел. — Это война, которая как нельзя более ярко отражает безразличие к свободе, национальному суверенитету и народному благосостоянию, что так характеризует внешнюю политику военных и промышленных групп, контролирующих Соединенные Штаты»¹⁴.

Можно вспомнить и другой пример, как использовалась доктрина «гибкого реагирования». В 1965 г. против народа Доминиканской Республики, поднявшегося на борьбу со своими угнетателями, были брошены десятки тысяч солдат морской пехоты и воздушнодесантных войск США. Интервенция также сопровождалась криками об «угрозе коммунизма». 2 мая 1965 г. Джонсон заявил: «Америка не может, не должна и ни за что не позволит установить еще одно коммунистическое правительство в Западном полушарии». Газеты вспоминали слова Кеннеди: «Мы должны использовать все имеющиеся в нашем распоряжении ресурсы, чтобы предотвратить установление второй Кубы в этом полушарии». Джонсон, благословляя войска, объявил: «Мы не

¹⁰ A. Schlesinger, Jr. A. Thousand Days, p. 548, 997; е г о ж е. A. Middle Way out of Vietnam. — «The New York Times Magazine», 6.IX.1966, p. 128.

¹¹ «International Herald Tribune», 3.VIII.1970.

¹² T. L a n e. The Leadership of President Kennedy. Caldwell, 1964, p. 81.

¹³ P. G e y e l i n. Lyndon B. Johnson and the World. New York, 1966, p. 44.

¹⁴ B. R u s s e l l. Free World Barbarism: The War of Atrocity in Vietnam. — «The Minority of One», December 1964, p. 8.

собираемся сидеть здесь в кресле-качалке (намек на кресло-качалку Кеннеди, установленную в его кабинете.— *А. Е.*) со сложенными руками». Тут же была провозглашена доктрина, узаконившая (решение об этом было принято палатой представителей конгресса 20 сентября 1965 г.) вооруженную интервенцию США в любую латиноамериканскую страну «для предотвращения подрывной деятельности и прихода к власти коммунистов»¹⁵. Так прямолинейно и с помощью штыков претворялись в жизнь идеи Кеннеди, изучавшего в 1963 г. возможности модернизации доктрины Монро.

Таким образом, стремление «перехватить революцию», сбить ее с антиимпериалистического пути, лежавшее в основе политики Кеннеди в отношении национально-освободительного движения, при Джонсоне уступило место ставке на победу в локальных войнах, что особенно наглядно проявилось в Юго-Восточной Азии. Но упор на военные усилия не является определяющим в концепции «перехвата революции».

НОВАЯ ТАКТИКА

Дж. Кеннеди не считал, что военным путем можно покончить с национально-освободительным движением. Для достижения успеха нужно было, на его взгляд, укреплять также экономические, политические и социальные основы проамериканских режимов. Объяснение необходимости такого шага он видел, прежде всего, в достижениях Советского государства во всех областях, «нацеленных не на сенсацию, а на то, чтобы захватить сердца и умы людей»¹⁶.

Само существование и быстрое развитие СССР и других социалистических стран, бескорыстно помогающих развивающимся государствам, не могло не заставить задуматься мыслящих американских политиков. Президент хотел показать, что США не на словах, а на деле будто бы готовы содействовать устранению социальной несправедливости в мире. «Коммунизм,— говорил он,— нельзя остановить только силой оружия»¹⁷.

Образцом новой тактики Вашингтона послужила программа «Союза ради прогресса», являющаяся конкретным выражением концепции «перехвата революции» для латиноамериканского континента. «Мозговой трест Кеннеди,— писал глава Народно-прогрессивной партии Гайаны Ч. Джаган,— был достаточно реалистичен, чтобы понять, что капитализм не может выжить в существующих условиях. Так был рожден «Союз ради прогресса»»¹⁸. Пообещав странам Латинской Америки предоставить 20 млрд. долл. за 10 лет, Кеннеди надеялся с помощью этих средств устранить наиболее вопиющие, созданные американскими монополиями условия существования народов «подопечных стран». По признанию президента, «десятки миллионов латиноамериканцев живут в бедности с ежегодным доходом менее 100 долл... половина всех детей не ходит в школу, так как школ не хватает; почти половина взрослых не может ни читать, ни писать, десятки миллионов живут в ужасных трущобах; миллионы жителей сельской местности страдают от легко излечимых болезней, не надеясь, однако, на это излечение»¹⁹. Таковы были плоды «доброго партнерства» северного соседа!

Обещание «помощи» США связывали с проведением социальных реформ на континенте. Эти реформы, учитывая популярность революций, Кеннеди и называл словом «революция». «Тот, кто делает невозможной мирную революцию,— неоднократно предупреждал он,— создает неизбежность насильственной революции»²⁰. Реформы преследовали, однако, не только цель предотвращения «насильственной революции» и увода национально-освободительного движения с антиимпериалистического пути. Они также ставили своей задачей создание опорных баз реакции для подавления этого движения. Не напоминают ли такого рода реформы те преобразования, которые провели США в Южном Вьетнаме, чтобы за колючей проволокой «удержать крестьянские массы от коммунизма»?

¹⁵ «Washington Post», 4.V.1965; «The New York Times», 21.IX.1965.

¹⁶ J. K e n n e d y. The Strategy of Peace, p. 237.

¹⁷ Цит. по: V. L a s k y. J. F. K. The Man and the Myth. New York, 1963, p. 128.

¹⁸ «The Minority of One», December 1964, p. 16.

¹⁹ J. K e n n e d y. The Burden and the Glory, p. 164.

²⁰ «The Department of State Bulletin», 2.IV.1962, p. 541.

«Союз ради прогресса» ставил и другую задачу — изоляцию Кубы. Экономической блокадой правительство Кеннеди намеревалось развалить экономику Кубы и «продемонстрировать народам латиноамериканских республик, что коммунизм не имеет будущего в Западном полушарии»²¹. Политической блокадой Кубы США стремились ограничить влияние идей коммунизма на другие латиноамериканские страны. Такая блокада, как предполагалось, должна стать «коллективным делом». Но изолировать Кубу так и не удалось, хотя еще в январе 1962 г. США, используя методы пантажа и подкупа, добились исключения ее из Организации американских государств (ОАГ).

Под «коллективным делом» подразумевалась не только политическая блокада и не только в отношении Кубы. Кеннеди и правительство смотрели на вещи гораздо шире: ведь партизанское движение росло на всем континенте. Поэтому США пытались установить тесные контакты ОАГ с Атлантическим сообществом или даже включить ОАГ в НАТО, ибо, как писал бывший государственный секретарь США К. Гертер, «Организация американских государств основана на тех же принципах, что и НАТО»²². Преемник Кеннеди на посту президента Л. Джонсон, развивая идеи «Союза ради прогресса», выступил за создание «постоянных межамериканских вооруженных сил». Ответственность за борьбу с национально-освободительным движением ложилась бы, в случае создания таких сил, на все страны Латинской Америки, а ОАГ превратилась бы полностью в военную организацию и коллективного жандарма. Джонсон в отношении Латинской Америки прежде всего акцентировал внимание на чисто военных аспектах борьбы с коммунизмом.

«Союз ради прогресса» оказался пустой декларацией, а ведь Кеннеди в свое время предупреждал, что если американские обязательства не будут подкреплены реальной помощью, то США неминуемо столкнутся с тем, что «отчаявшиеся люди повернут к коммунизму»²³. Чтобы не допустить этого, США и стали на путь интервенции. Доктрина Кеннеди, провозглашавшая (хотя бы для видимости!) непризнание военнодиктаторских правительств, была отброшена. Напротив, был взят курс на поддержку и установление самых реакционных диктаторских режимов, ибо американское правительство убедилось, что для сохранения и полного восстановления своего господства в Латинской Америке никакие обещания, ограниченные податки и демагогия политики «Союза ради прогресса» уже не помогут²⁴.

«Помощь» США развивающимся государствам как в зеркале отражает все те цели, которые преследовало американское правительство программой «Союза ради прогресса». Здесь и необходимость «отбросить коммунизм» (Кеннеди), и желание «предотвратить будущие Вьетнамы», идя по пути «мирной революции» (представитель США в ОАГ Линович). Здесь же и признание того, что эта «помощь» составляет... «всего 5% суммы (в эти 5% входит и военная помощь. — А. Е.), которую мы тратим на нашу оборону»²⁵ (Джонсон). Нет здесь только искреннего желания действительно помочь народам развивающихся стран, отсталость которых — результат колониального угнетения.

Если «Союз ради прогресса» явился образцом новой тактики Кеннеди в борьбе с национально-освободительным движением, то приход к власти блока Народного единства в республике Чили, проведенные правительством мероприятия, продемонстрировав крах этой тактики, послужили наглядным образцом борьбы с любыми проявлениями хищнического гнета монополий и его неоколониалистскими модификациями. Никакие террор и репрессии реакционеров не остановят борьбу чилийского и других латиноамериканских народов за освобождение от ига капитала.

²¹ G. W. Ball. U. S. Policy Toward Cuba.— «Department of State Publication 7690». Washington, May 1964, p. 12, 13.

²² «Foreign Affairs», January 1963, p. 299.

²³ J. Kennedy. To Turn the Tide. New York, 1962, p. 161.

²⁴ См. М. Кудачкин, Н. Мостовец. Освободительное движение в Латинской Америке.— «Коммунист», 1964, № 11, стр. 129.

²⁵ J. Kennedy. The Strategy of Peace, p. 393; «The Department of State Bulletin», 18.III.1968, p. 377; 19.II.1968, p. 252.

Другим нововведением Кеннеди, но уже не экономического, а идеологического характера, явился «корпус мира», который, как пишет А. Шлезингер, «лучше всего выражал отличительную особенность духа новых рубежей»²⁶.

Идея образования подобного «корпуса» относится еще к 1933 г. Кеннеди впервые о «корпусе мира» упомянул в середине октября 1960 г., выступая перед студентами Мичиганского университета. А уже в послании конгрессу от 1 марта 1961 г. он изложил план создания этой организации, который в сентябре был принят конгрессом. Средний возраст «добровольцев» «корпуса», состоящих как из мужчин, так и женщин, составлял 26 лет. Сюда преднамеренно набиралось как можно больше негров и представителей других национальных меньшинств. Все это, как полагали, позволит лучше сблизиться с местным населением Африки, Азии и Латинской Америки, тем более, что миссионеры должны были жить примерно так же, как и жители того района, где они действовали.

Цель всей программы «корпуса мира» — удержать Африку, Азию и Латинскую Америку на капиталистическом пути развития и добиться безраздельного господства американского капитала. Сделать это с помощью одних штыков, как показал опыт 50-х годов, невозможно. «Я обнаружил в Вашингтоне и стране в целом,— говорил Кеннеди,— большое желание «совершить что-нибудь»: укрепить оборону... остановить распространение коммунизма, взять в свои руки инициативу в мировых делах. Я слышал разговоры о новых военных обязательствах... Чрезвычайные средства отпускаются на авиацию, идет разговор о дополнительных противопартизанских частях. Все это важно. Но... «освободительные войны» нельзя остановить с помощью самолетов «В-58»²⁷. Такова была предпосылка образования «Союза ради прогресса» и «корпуса мира», создатель которых был напуган тем, что «африканцы, несколько лет назад цитировавшие Томаса Джефферсона, Линкольна и Франклина Рузвельта, сейчас цитируют Карла Маркса»²⁸.

Для борьбы с марксистской идеологией, особенно в развивающихся странах, американское правительство сначала направило 500 членов «корпуса», затем, в марте 1963 г., их число возросло до 5 тыс., а через год — до 10 тыс. Члены «корпуса» находились в 46 странах. Первоначальные сомнения в целесообразности всей затеи с миссионерами сменились энтузиазмом: даже Барри Голдуотер, сенатор с крайне правыми взглядами, одобрял создание «корпуса».

Экономической «помощью», миссионерской деятельностью «корпуса мира» США хотели рассеять мрачные впечатления о капитализме и показать всему миру новый «народный капитализм», «других» американцев. «До корпуса мира,— говорил посол США в Венесуэле А. Стюарт,— единственные американцы, которых когда-либо видели бедные венесуэльцы, были американцы, катающиеся в кадиллаках. Они считали всех американцев богатыми, эгоистичными, бессердечными, реакционными. Корпус мира показал им совершенно иной тип американцев. Он преобразовывает все представление о Соединенных Штатах, которое у них сложилось»²⁹.

Несмотря на враждебное отношение населения развивающихся стран к проповеди «свободного мира», правительство США продолжает эскалацию этой программы, распространив ее более чем на 60 стран. Проповедь идей «свободного мира» не могла, однако, скрыть правды об унижительной расовой дискриминации негров и другого цветного населения в самих США, что является достоверной пропагандой против американского образа жизни.

Вся пропаганда американского образа жизни построена на песке. Как говорил В. И. Ленин, «так называемая «современная демократия»... представляет из себя не что иное, как свободу проповедовать то, что буржуазии выгодно проповедовать, а выгодно ей проповедовать самые реакционные идеи, религию, мракобесие, защиту эксплуататоров и т. п.»³⁰, т. е. как раз ту неправду, против которой и восстанут свободолюбивые народы.

²⁶ A. Schlesinger, Jr. A Thousand Days, p. 605.

²⁷ J. Kennedy. To Turn the Tide, p. 149.

²⁸ V. Lasky. J. F. K. The Man and the Myth, p. 384—385.

²⁹ A. Schlesinger, Jr. A Thousand Days, p. 298, 608.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 28.

Могучий рост всех сил социализма и мира, дальнейшее развитие мощного национально-освободительного движения не были бы возможны без Советского Союза. Все более сужается сфера капиталистического господства. Сознывая всю тяжесть положения, в котором оказался капитализм в связи с изменившимся соотношением мировых сил в пользу социализма, империалисты решили с приходом к власти Дж. Кеннеди дать главный бой СССР и всему социалистическому содружеству государств на идеологическом фронте. Это не означает, что другие формы борьбы были забыты. Но лобовая атака на социализм не оставляла никаких шансов на успех. Нужно было, по мнению американских идеологов, менять методы борьбы. «У Запада нет выбора,— подчеркивал Джордж Кеннан,— кроме как согласиться на поиски мирного сосуществования как основы политики в отношении стран коммунистического мира»³¹.

Мирное сосуществование понималось, однако, своеобразно. В основе тактической линии империализма лежал экспорт контрреволюции. Ставилась задача не только приостановить распространение коммунистических идей, но и вызвать «эрозию» марксистско-ленинской идеологии, цементирующей все социалистическое общество, подорвать руководящую роль коммунистических партий, расколоть социалистические страны, «привить» их народам буржуазную идеологию и реставрировать капиталистические порядки в этих странах. «Мы испытываем сейчас в своей стране,— говорил Дж. Кеннеди в 1959 г.,— нужду большую, чем нужда в атомной, воздушной, финансовой, промышленной или даже людской мощи,— это нужда в мощи идей»³². Таких идей, как и следовало ожидать, в Америке так и не появилось. Действенного оружия, способного противостоять наступающему коммунизму, не существует. Поэтому идеи заменились клеветой.

Эскалация клеветнических измышлений буржуазных идеологов рассчитана на известное отставание сознания некоторых слоев и групп людей от их общественного бытия. Антикоммунисты стремятся сыграть и на разнице в уровне экономического и политического развития отдельных социалистических стран, ведя борьбу прежде всего против общих принципов и устоев социализма, делая в то же время главную ставку на националистические, ревизионистские и левацкие элементы. Как пишет Т. Соренсен, Джон Кеннеди «стремился поощрять каждую появляющуюся националистическую тенденцию»³³ в странах социализма. На практике это выливается не просто в «поощрение» национализма, а в его разжигание.

Идеологи империализма поднимают на щит всякого рода антисоциалистические элементы внутри социалистических стран, используя богатый арсенал демагогических приемов и методов. Президентство Кеннеди отличалось от предшествующих администраций стремлением поставить науку на службу пропаганде буржуазного государства. Хватаясь за любые трудности во взаимоотношениях между братскими странами, возникающие на сложном пути социалистического строительства, и пытаясь создать такие трудности, Кеннеди не упускал случая, чтобы «искать пути разъединения красного блока»³⁴. С этой целью использовалось не только «поощрение националистических тенденций» в странах социализма, но и такие меры, как, скажем, медицинская помощь жертвам землетрясения в Скопле. «Это был утонченный подход к внешнеполитическим делам»,— писал Т. Соренсен.

Основные силы и средства, бросаемые на идеологический фронт для «эрозии» социализма, направляются прежде всего против ведущей страны социализма — СССР. Антикоммунистическая кампания велась настолько интенсивно в самих США, что, когда было принято решение о продаже пшеницы Советскому Союзу, член конгресса Фрэнсиз Болтон удивленно спросила: «Г-н президент, разве мы не в состоянии войны?». Примерно так же удивлялся и возмущался тогдашний вице-президент Джонсон, считавший, что продажа пшеницы — самая крупная политическая ошибка Кеннеди³⁵.

³¹ G. K e n n e d y. On Dealing with the Communist World. New York, 1964, p. 21.

³² J. K e n n e d y. The Strategy of Peace, p. 203.

³³ T. S o r e n s e n. Kennedy, p. 607.

³⁴ J. K e n n e d y. The Strategy of Peace, p. 72—73.

³⁵ T. S o r e n s e n. Kennedy, p. 607, 608, 836; A. S c h l e s i n g e r, Jr. A Thousand Days, p. 920, 1019.

Ставка на победу в битве мировоззрений при всем коварстве этой тактики империализма свидетельствует о полном непонимании им природы социализма. Более чем полувековой исторический опыт показывает, что и эта ставка обречена на поражение.

«Мы неправильно оценивали почти все крупные события и явления в СССР со времени большевистской революции,— писал профессор международных отношений и политических наук Фред Нил.— Все это, очевидно, говорит, во всяком случае в какой-то мере, что нам не следует проявлять слишком большую самоуверенность и в других своих оценках»³⁶.

Видимо, к такому же выводу пришел и Джон Кеннеди. 10 июня 1963 г., выступая в Американском университете в Вашингтоне, он призывал: «Давайте пересмотрим наше отношение к миру... Давайте пересмотрим наше отношение к Советскому Союзу... Давайте пересмотрим наше отношение к холодной войне». Непосредственным толчком для переосмысления и переориентации политического курса США явился «карибский кризис», его уроки. Взгляды Кеннеди «претерпели качественные изменения после Кубы,— писал А. Шлезингер.— Мир, в котором государства угрожали друг другу ядерным оружием, отныне казался ему не только неразумным, но и нетерпимым, невозможным»³⁷. Что же произошло в эти надолго врезавшиеся в память человечества 13 дней?

Сразу же после победы революции на Кубе реакционные силы в США делали все возможное, чтобы вернуть кубинский народ к прошлому. Американские правящие круги в сотрудничестве с обласканными ими кубинскими контрреволюционерами стали на путь подготовки прямой интервенции на остров Свободы. Одновременно в невиданных масштабах в стране осуществлялась гонка вооружений. Учитывая возросшую угрозу со стороны американского империализма, СССР удовлетворил просьбу кубинского правительства об оказании дополнительной помощи по укреплению обороноспособности республики, начав размещение на острове баллистических ракет среднего радиуса действия.

Твердая решимость отстоять начинания кубинской революции не пришлось по душе американской правящей элите. Президент, требуя удаления «наступательного оружия» с Кубы, произносил крайне воинственные речи. Громогласная словесная эквилибристика Кеннеди находила благожелательный отклик среди милитаристов и Комитета начальников штабов США, требовавших немедленного вторжения на остров Свободы. Еще до 22 октября 1962 г., когда Кеннеди объявил об установлении карантина вокруг Кубы, на подступах к острову проходила концентрация крупных соединений всех родов войск США. Подкрепления были направлены и на военноморскую базу в Гуантанамо. В Карибском море начались провокационные морские маневры. Вооруженные силы США, включая контингенты, находившиеся за рубежом, так же как и войска союзников США по НАТО, были приведены в полную боевую готовность. Коллективность акций должно было продемонстрировать созданное США объединенное командование с латиноамериканскими странами. Эскалация военных усилий и опора на шантаж, предпринятые Кеннеди, преследовали в первую очередь политические цели. Теоретической основой поведения Дж. Кеннеди послужили некоторые концепции американского профессора Г. Кана.

«Главный стратег» министерства обороны, как называли Кана в США, получил известность в начале 60-х годов, опубликовав ряд работ, в которых стремился доказать, что в наш век термоядерная война может служить одним из видов вооруженной борьбы. В основе выработанной им модели, подразделяющейся на 44 ступеньки перехода от низшей формы конфликта к высшей, лежит стремление достичь определенных политических целей, т. е. заставить противника пойти на уступки, угрожая переходом на более высокую ступень эскалации конфликта, вплоть до всеобщей термоядерной войны. По Кану переход на более высокую ступень эскалации, деморализующий противника и вынуждающий его на уступки,— это именно тот момент наивысшего военного и психологического давления на противника, когда сторона, владеющая

³⁶ «Американцы размышляют. Американцы критикуют. Проблемы внешней политики США». М., 1967, стр. 79.

³⁷ J. Kennedy. *The Burden and the Glory*, p. 62—67; A. Schlesinger, Jr. *A Thousand Days*, p. 893.

инициативой, меняет курс, предлагая пойти на переговоры, в ходе которых рассчитывает продиктовать свои условия выхода из кризисной ситуации.

Нечто подобное произошло в начальный период «карибского кризиса», когда США, нагнетая тревожную для всего мира атмосферу, демонстрировали готовность пойти на пробу сил. Однако благодаря мирной инициативе СССР «карибский кризис» был разрешен по законам здравого смысла, войну США не удалось развязать, а кубинский народ сохранил свою независимость.

Кеннеди в конечном счете не поддавался давлению реакционных милитаристских кругов, пытавшихся толкнуть США в пропасть термоядерной войны. «Президент,— писал позднее Роберт Кеннеди,— был сильно встревожен неспособностью военных видеть дальше ограниченной военной области»³⁸.

Уроки «карибского кризиса» подвели Кеннеди к выводу о необходимости реализма в международных делах, особенно в отношении к Советскому Союзу. Трансформация взглядов президента отражена в упомянутой выше речи в Американском университете. «Я говорю о мире, потому что у войны — новое лицо,— подчеркивал Кеннеди.— Тотальная война не имеет смысла в век, когда великие державы сохраняют крупные и относительно неуязвимые ядерные силы и отказываются капитулировать без обращения к этим силам... Если теперь вновь разразится всеобщая война, не важно, как она начнется, наши две страны станут жертвами в первую очередь. Смешно, но факт, что две сильнейшие державы мира подвергаются наибольшей опасности уничтожения. Все, что мы строили, все, ради чего мы работали, будет разрушено в первые 24 часа... Давайте не будем закрывать глаза на наши разногласия; давайте заострим внимание на наших общих интересах и мерах, с помощью которых эти разногласия могут быть урегулированы... В конце концов нашим самым основным общим связующим звеном является то, что все мы населяем одну планету. Все мы дышим одним и тем же воздухом. Все мы заботимся о будущем наших детей. И все мы смертны»³⁹.

Впервые со времен Рузвельта американский президент призывал смотреть на СССР открытыми глазами. Речь Кеннеди — признание мощи социализма, признание мощи его идей.

Мирная инициатива СССР, реализм, проявленный Кеннеди в октябре 1962 г., заключение Московского договора о частичном запрещении ядерных испытаний положили начало улучшению советско-американских отношений. Но эти мероприятия вызвали ярость в стане реакционеров США, по-прежнему требовавших установления «мира» на американских условиях.

Размышления об исходе кризиса заставили Кеннеди подумать о необходимости большей дифференциации политики в отношении социалистических государств. Его занимала проблема детальной разработки стратегии США, вытекающей из провокационной политики маоистов в отношении СССР. Разрешить ее Кеннеди надеялся во второй срок своего президентства. Что касается восточноевропейских социалистических государств, то из его лексикона выпали слова, призывавшие к тому, чтобы «вбивать клинья...». Вместо этого Дж. Кеннеди, а затем и Р. Кеннеди заговорили о необходимости «примирения» США со странами социализма, «объединения» Западной и Восточной Европы «при сотрудничестве с Соединенными Штатами». США и их союзники, писал Т. Соренсен, должны стремиться «не к тому, как когда-то считалось, чтобы отколоть те (социалистические.— А. Е.) страны от Москвы», а к тому, чтобы содействовать созданию «объединенной Европы»⁴⁰.

Суть новой тактики сводилась к попыткам приспособить научно-техническую революцию к нуждам политики и идеологии американской буржуазии. При этом, как и прежде, недооцениваются потенциальные возможности социализма, его социалистический интернационализм. В Резолюции XXIV съезда КПСС отмечается, что, несмотря

³⁸ R. Kennedy. Lessons of the Cuban Missile Crisis.— «Saturday Review», 26.X.1968, p. 52.

³⁹ J. Kennedy. To Turn the Tide, p. 65—66.

⁴⁰ D. Ross. Robert F. Kennedy: Apostle of Change. New York, 1968, p. 415; T. Sorensen. The Kennedy Legacy. A Peaceful Revolution for the Seventies. New York, 1969, p. 371.

ры на имевшие место некоторые трудности и осложнения, господствующей тенденцией оставалось укрепление дружбы и сплоченности социалистических стран, что позволило сорвать многие планы империалистических агрессоров⁴¹.

РУБИКОН ЭДВАРДА КЕННЕДИ

Убийство Джона и Роберта Кеннеди выдвинуло младшего из четырех братьев в первый ряд государственных деятелей, способных поднять упавшее идейное знамя. Победа сторонника Кеннеди сенатора Д. Макговерна на съезде демократической партии в июле 1972 г. и выдвижение члена семьи Кеннеди С. Шрайвера кандидатом в вице-президенты от этой партии только укрепили позиции сенатора из Массачусетса в будущей борьбе за пост президента. Обостренное внимание к личности Э. Кеннеди объясняется также и поражением кандидатов демократической партии на ноябрьских выборах.

Имя, мировоззрение, деньги и молодость Э. Кеннеди теоретически позволяют американцам считать его потенциальным кандидатом на пост президента вплоть до 2000-го года. Всего через год после убийства Р. Кеннеди журнал «Time» под заголовком «Помните о 1988 г.» писал: «Следует заметить, что на президентских выборах 1988 г. Э. Кеннеди будет лишь на год старше Р. Никсона в 1968 г., когда тот впервые стал президентом»⁴². «Отказ 40-летнего сенатора из Массачусетса выставить свою кандидатуру на президентских выборах в этом году, — отмечал «U. S. News and World Report» после окончания съезда демократической партии в 1972 г. — не означает, что он поступит подобным образом в 1976 г. или позже. В случае неудачи сенатора Д. Макговерна в его попытке вытеснить президента Никсона из Белого дома Кеннеди окажется в выгодной позиции деятеля, способного объединить демократическую партию»⁴³. Насколько точным окажется этот и ему подобные прогнозы прессы Америки, покажет ближайшее время.

Эдвард М. Кеннеди родился в 1932 г. 22 февраля (в день рождения Д. Вашингтона). Первое причастие, как и подобает католикам «высшего света», он получил из рук самого папы Пия XII. С ранних лет Тедди, как того и хотели родители, вращался в избранном кругу: неоднократно присутствовал на вечерах, устраиваемых в Букингемском дворце в честь принцессы Елизаветы в годы, когда Джозеф П. Кеннеди был послом в Англии; посещал школу для привилегированных детей в Лондоне, был на приемах американского посольства. Закончив школу в США, он, как в свое время его отец и старшие братья, поступил в Гарвардский университет. Исключенный оттуда за обман (уговорил своего друга сдать за него испанский язык), Э. Кеннеди ушел в армию. Отслужив почти два года рядовым американской армии во Франции и ФРГ и имея разрешение продолжить занятия в Гарварде, он вернулся в университет и в 1956 г. получил степень бакалавра искусств. С 1956 по 1957 г. Э. Кеннеди учился в Международном институте права в Гааге, а затем на юридическом факультете Виргинского университета, который окончил в 1959 г., получив степень бакалавра права.

Его «университетами» были и нередкие поездки за рубеж, щедро финансируемые патриархом клана. Но, пожалуй, еще более важными для карьеры младшего Кеннеди были избирательные кампании. В 1958 г., когда Джон Ф. Кеннеди вторично баллотировался в сенат США от штата Массачусетс, Э. Кеннеди, проявивший незаурядную активность, носил титул «управляющего кампанией».

В 1962 г. — новая борьба: едва достигнув 30-летнего возраста (по конституции сенатором можно стать не ранее, чем в 30 лет), он выдвинул свою кандидатуру на освобожденный Джоном Кеннеди пост сенатора от штата Массачусетс. Эта кампания «едва оперившегося юнца» вызвала разноречивые толки. Говорили о «неумной жажде власти» клана Кеннеди, о семейных миллионах, обеспечивающих продвижение по политической лестнице, о том, «будет ли семья Кеннеди когда-нибудь удовлетворена»⁴⁴, и т. д. Джон и Роберт Кеннеди без особого энтузиазма восприняли идею выдвижения младшего брата в сенаторы США, опасаясь новых обвинений в nepотизме. Но на их

⁴¹ См. «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 191.

⁴² «Time», 1.VIII.1969, p. 16.

⁴³ «U. S. News and World Report», 31.VII.1972, p. 22.

⁴⁴ H. S i d e y. John F. Kennedy, President. New York, 1964, p. 197.

требование — «пусть подождет» — Джозеф П. Кеннеди неизменно парировал: «У меня-то нет времени ждать». Его желание и стало законом, который он разъяснял так: «Вы, мальчишки, имеете все, что хотите. Теперь очередь Тедди. Я жажду увидеть, что он получит то, чего хочет»⁴⁵. Обещание Э. Кеннеди «говорить голосом, который услышат», возымело действие на избирателей Массачусетса. Одержав победу над соперниками — генеральным прокурором штата Э. Маккормаком (племянником спикера палаты представителей) и Джорджем Лоджем (сыном влиятельного республиканца Генри Кэбота Лоджа, который в 1952 г. был вынужден уступить место сенатора от этого штата Джону Ф. Кеннеди), Эдвард Кеннеди, «считавшийся в семье самым прирожденным руководителем политических кампаний», не нарушил традиции клана побеждать на выборах. Мечты «пылких сторонников Кеннеди... о том дне, когда Джон будет в Белом доме, Бобби — министром юстиции, а Тедди — сенатором от штата Массачусетс», о чем писалось в прессе еще в 1957 г.⁴⁶, полностью осуществились.

Выдвижение трех братьев на столь видные государственные посты породило разного рода предположения. Одни развивали «теорию династии», согласно которой братья, сменяя друг друга, будут занимать президентскую должность в течение 24 лет, после чего, саркастически замечали они, «будет учреждено регентство для того, чтобы сохранить место президента для сына Дж. Кеннеди». «Когда администрация Кеннеди приобретет наследственный характер,— явил английский журналист М. Магеридж,— то титул наследника, эквивалентный нашему принцу Уэльскому, будет, вероятно, звучать так: сенатор от штата Массачусетс. На недавних выборах в конгресс молодой Тедди Кеннеди прошел через формальность избрания такого наследника». Другие сравнивали стиль проведения избирательных кампаний старшего и младшего брата. «Стиль избирательной кампании Тедди Кеннеди,— писал репортер Д. Салтенстол,— сильно напоминает стиль его брата... кампанию проводят такие же ревностные, опрятно одетые мальчишки и такие же миловидные девочки, выполняющие свою задачу спокойно и умело; на избирателей действуют весьма грозным предостережением: «если вы не с нами, то смотрите...»; постоянно привлекаются профессиональные эксперты, которые, однако, держатся в тени; откровенно намекают на наличие крупных сумм в избирательной кассе; царит такой же дух жесткого прагматизма, который как бы означает, что любую проблему можно разрешить путем тщательного анализа и решительных действий»⁴⁷.

Профессор политических наук М. Левин написал книгу⁴⁸ о системе проведения избирательных кампаний трех братьев и о том, как эта отшлифованная система была использована младшим из них. По мнению автора, промежуточные выборы в 1962 г. были «серьезным испытанием» всей «системы Кеннеди», ибо, как отмечал он в предисловии, «семья Кеннеди вознамерилась сделать то, что многие прожженные политики считали невозможным, т. е. превратить 29-летнего новичка в политике, никогда ранее не избиравшегося на государственную должность (Э. Кеннеди до выборов был помощником окружного прокурора. — А. Е.), в сенатора Соединенных Штатов».

Менее чем через год после убийства президента семью Кеннеди постигло еще одно несчастье. 19 июня 1964 г. Эдвард Кеннеди, на частном самолете летевший из Вашингтона в Бостон, попал в катастрофу. Результат — три сломанных позвонка и два раздробленных ребра. Как в свое время и Джону, Эдварду пришлось надеть корсет. Он тоже пытался скрыть боль, на месяцы отстранившую его от работы. Несчастный случай напоминал о «роке над семьей». Роберт Кеннеди заключил: «Кто-то там на небесах не любит нас»⁴⁹. Для него, однако, 1964 год не был таким уж плохим: не добившись поста вице-президента, он сумел победить на выборах в сенат от штата Нью-Йорк. Впервые с 1803 г. в сенате сидели два брата. Э. Кеннеди также победил на очередных выборах в сенат в том году, причем за него проголосовало рекордное большинство избирателей — 75,6%.

⁴⁵ «Life», 11.III.1963, p. 61.

⁴⁶ T. S o r e n s e n. Kennedy, p. 38, 397.

⁴⁷ V. L a s k y. J. F. K. The Man and Myth, p. 61—62, 581.

⁴⁸ M. L e v i n. Kennedy Campaigning: The System and Style as Practiced by Senator Edward Kennedy. Boston, 1966.

⁴⁹ R a l p h d e T o l e d a n o. R. F. K. The Man Who Would Be President. New York, 1968, p. 304.

После убийства Р. Кеннеди младший брат, по общему мнению, принял «семейный факел». Однако вскоре пресса запестрила новыми сенсационными заголовками: «Еще одна трагедия в семье Кеннеди», «Афродита сходит с пьедестала» и ... «Союз Э. Кеннеди с Онассисом?»

ДЖЕККИ И МИЛЛИОНЫ

Жаклин Кеннеди пользовалась чрезвычайной популярностью в США после гибели своего супруга президента. Обет безбрачия, молодость, внешняя привлекательность, известность вдовы «самого романтического президента» сделали Джекки феноменом: в долгой истории рекламного бизнеса не было женщины, которая могла бы сравниться с ней. Жаклин Кеннеди превзошла по своей популярности таких звезд рекламы, как Мэрилин Монро, Элизабет Тейлор и Дорис Дэй. Журналы с ее фотографиями, газеты, склонявшие ее имя и намекавшие на отдельные стороны ее интимной жизни, раскупались мгновенно.

В зените своей популярности вдова Кеннеди получала до 10 тыс. писем в день. Росли и ее гонорары, но они, видимо, не были для нее достаточными (капитал, оставленный ей отцом, приносил доход в 250 тыс. долл. в год). «Если вы сидите рядом с Банны (супругой миллиардера П. Меллона. — *A. E.*), то вы, — говорила она, — чувствуете себя беднейшей женщиной»⁵⁰. Узвденная гордость «первой дамы Америки» в мае 1968 г. вырвалась наружу: она сообщила Роберту Кеннеди о своих серьезных намерениях в отношении далеко не молодого греческого миллиардера Аристотеля Онассиса, с которым была хорошо знакома еще при жизни Джона Кеннеди. В начале сентября этого же года, после убийства Р. Кеннеди, Эдвард Кеннеди сказал «да», и вскоре Жаклин Кеннеди-Онассис стала наследницей большей доли состояния, оценивающегося в миллиард долларов.

Греческая хунта немедленно объявила о том, что союз Кеннеди и Онассиса — это проявление уважения к их «демократическому» правлению. Эдвард Кеннеди, однако, не стал рисковать репутацией и не пожал протянутую «черными полковниками» руку. В марте 1971 г. он, напротив, решительно осудил «политику военного режима и репрессий»⁵¹. По-другому поступил до конца практичный и алчный судовладелец. Он предпочел и дальше сотрудничать с хунтой, увлекая за собой и американского нефтяного магната П. Гетти.

Многие обозреватели полагают, что бракосочетание Жаклин Кеннеди с Онассисом было санкционировано Эдвардом Кеннеди для пополнения опустевшей за время различных избирательных кампаний казны клана. Другие уточняют, что дело в маленьком Джоне, сыне Дж. Кеннеди⁵², который, став взрослым (ему сейчас 13 лет), захочет, как и его отец, стать президентом США, а для этого, кроме прочего, надо иметь еще и миллионы. Думается все же, что основную причину напумовшего брака следует искать не в юном Джоне или Эдварде Кеннеди, а в самой Жаклин Кеннеди.

ПОСЛЕ РОБЕРТА

Убийство Роберта Кеннеди больше чем что-либо способствовало созданию вокруг Эдварда ореола страдальца. Этот ореол, как и само имя Кеннеди, делал свое дело. С приближением съезда демократической партии в 1968 г. все настойчивее звучали голоса многих партийных деятелей, призывавших последнего из братьев баллотироваться в президенты США. Веря в возможность победы в Чикаго, сенатор все же не выдвинул своей кандидатуры, опасаясь из-за отсутствия достаточного опыта и подготовки потерпеть поражение на ноябрьских выборах, хотя шансы его расценивались высоко. «Эдвард Кеннеди станет важной политической фигурой в предстоящие годы»⁵³, — предсказывал тогда А. Шлезингер.

⁵⁰ «Newsweek», 28.X.1968, p. 21.

⁵¹ «Congressional Record» (далее — CR), 30.III.1971, p. 4172.

⁵² Интерес любителей сенсации к Джону Кеннеди-младшему, обучающемуся в частной школе в Нью-Йорке, по-прежнему велик. Стоило ему однажды в школе ударить своего соседа по парте, как это стало новостью № 1 в капиталистическом мире.

⁵³ V. L a s k y. Robert F. Kennedy: The Myth and the Man. New York, 1968, p. 407.

Действительно, события не заставили себя ждать. Всего через полгода после убийства Р. Кеннеди молодой сенатор был избран заместителем лидера сенатского большинства. Его победа была примечательна не только потому, что это была победа над «ястребом», но главным образом по той причине, что вызов Р. Лонгу был брошен вопреки традициям американского сената. Э. Кеннеди до того времени прослужил в сенате всего 6 лет, Р. Лонг — 20 лет. Э. Кеннеди не возглавлял ни одной из комиссий сената, Р. Лонг стоял во главе весьма влиятельной финансовой комиссии. В сенатской иерархии Лонг числился третьим, Кеннеди — 23-м. Кроме того, Р. Лонг, будучи заместителем лидера демократического большинства в сенате, имел большой вес в партийном аппарате демократов.

Все же исход голосования не был неожиданным. Журнал «Time» комментировал: «Энергичная президентская кампания Бобби Кеннеди помогла убедить многих упрямых американцев, что старый порядок в конце концов можно переделать. В оставшиеся считанные дни пребывания у власти администрации демократической партии последний из клана Кеннеди вновь зажжет факел мужества и перемен. Он, несомненно, должен улучшить положение в своей партии и в сенате. Возможно, он еще добьется полного расцвета знаменитой династии». И далее: «Тед Кеннеди совершил переворот настолько искусно, что его тактика и умелая организация напомнили стиль Макиавелли; это вообще присуще кампаниям семьи Кеннеди». Наконец: «В центре партийного переворота стал человек, само имя которого олицетворяет неудовлетворение установившимся порядком»⁵⁴. В данном случае журналу трудно отказать в изрядной доле объективности, но без гипербол и здесь не обошлось. Последующие события подтверждают все это, тем более что в победе Э. Кеннеди немалая заслуга принадлежала уже упоминавшейся «системе». Журнал «Newsweek» отмечал, что задолго до выборов Э. Кеннеди лично беседовал со всеми своими коллегами, вербуй их голоса. Колеблющихся навещали функционеры демократической партии и (самое главное!) люди, финансировавшие предвыборные кампании. «Боже мой! — воскликнул один сенатор. — Я вижу, машина Кеннеди заработала вовсю». И действительно, если Лонг менял свои векселя на наличные, то Кеннеди раздавал их⁵⁵.

Всего через два года после вступления на новый пост Э. Кеннеди не был переизбран заместителем лидера сенатского большинства. Его помощник Р. Бэрд (сенатор от штата Западная Виргиния), проведя закулисную работу среди своих коллег и тайно от Кеннеди заручившись их поддержкой, неожиданно бросил вызов сенатору и одержал победу. Сторонники Э. Кеннеди тотчас же объявили, что поражение ни в коей мере не отразится на шансах их фаворита как главного претендента на президентских выборах. Э. Кеннеди, удрученный неудачей, нашелся: «Тот, кто не умеет достойно встречать поражение, — не заслуживает победы. Я давно так считаю»⁵⁶.

Пытаясь объяснить неудачу Э. Кеннеди, американская пресса отмечала, что, находясь на важном посту заместителя лидера демократического большинства, он не проявил достаточных «бойцовских качеств», какими-де обладали его старшие братья. Однако некоторые обозреватели полагают, что причина «невезения» Кеннеди кроется в другом — консервативно настроенный Р. Бэрд оказался по душе многим сенаторам⁵⁷.

Кроме того, в данном случае одержать победу Э. Кеннеди помешала трагедия, участником которой он оказался. Летом 1969 г. автомобиль сенатора соскользнул с моста в залив Поудж на острове Чаппакуидик (штат Массачусетс), что привело к гибели пассажирки — Мэри Джо Копечне, молодой секретарши из его вашигтонской канцелярии. Различные спекуляции вокруг обстоятельств этого несчастного случая, последовавшие затем судебные разбирательства чуть было вообще не погубили его политическую карьеру. Определенные силы, заинтересованные в ослаблении популярности Э. Кеннеди, стремились как можно дольше удерживать эту историю на первых полосах газет. Авторы газетной шумихи обсуждали на все лады дальнейшие шансы сенатора в политике, человеческий же аспект трагедии волновал их лишь в той мере, в какой можно было сделать его предметом сенсации.

⁵⁴ «Time», 10.I.1969, p. 2, 13.

⁵⁵ «Newsweek», 13.I.1969, p. 8.

⁵⁶ «Time», 23.I.1971.

⁵⁷ «Washington Post», 22.I.1971.

Сразу же после случившегося началась кампания по восстановлению репутации сенатора, хотя это оказалось нелегким делом.

Э. Кеннеди обвинили в том, что он покинул место несчастного случая, никому ничего не сказав. Суд приговорил его к двум месяцам тюремного заключения (условно). Кроме того, его лишили на один год водительских прав (минимальное наказание за подобное деяние по законам штата Массачусетс). Но о том, какой ущерб нанесла эта трагедия его карьере, можно судить хотя бы по такому факту: в 1968 г., т. е. за четыре года (!) до очередных президентских выборов, никто в США не сомневался, что в 1972 г. кандидатом демократов в президенты будет Эдвард Кеннеди. После Чаппакуидика картина эта резко изменилась.

До сегодняшнего дня американцы не знают толком, что же произошло в ту роковую для Мэри Джо ночь. Стенограммы слушаний по делу Э. Кеннеди, состоящие почти из 800 страниц, хранятся в тайне, и сенатор делает все возможное, чтобы эти страницы не заговорили. В связи с этим вспоминается эпизод, происшедший летом 1971 г. Э. Кеннеди, справедливо осуждая американскую авантюру в Юго-Восточной Азии, заявлял тогда о праве народа знать все, включая историю с «документами Пентагона», даже если эти документы говорили о неблагоприятной роли его покойных братьев. Выдавая себя за правдолюбца, он однажды в сенате натолкнулся на встречный вопрос одного из своих слушателей: почему сенатор противится преданию гласности доклада большого жюри штата Массачусетс по его делу? Ошеломленный Э. Кеннеди не нашел ответа и выбежал из зала, хлопнув дверью. «Если г-н Кеннеди действительно станет кандидатом в президенты, — писала одна чикагская газета по этому поводу, — то ему надо будет заготовить гораздо лучший ответ, чем простой хлопок дверью»⁵⁸.

В 1970 г. Э. Кеннеди был вновь избран сенатором от своего штата, получив весомое большинство в 500 тыс. голосов. К 1976 г., говорят его сторонники, острота слушавшегося в Чаппакуидике притупится. Уже сейчас «половина женщин в США не верит, что Чаппакуидик имел место, другая половина готова все отдать, лишь бы простить его»⁵⁹.

Каковы бы ни были обстоятельства, детали биографии Э. Кеннеди, каковы бы ни были спекулятивные предположения в связи с трагедией на острове Чаппакуидик, лицо сенатора во многом определяют его собственные убеждения. Каково же политическое кредо одного из наиболее вероятных претендентов на пост президента США в 1976 г?⁶⁰

ТОЧКА ОПОРЫ

Подобно своим братьям Э. Кеннеди является представителем и защитником интересов государственно-монополистического капитала США. За годы пребывания в сенате он снискал репутацию выразителя взглядов либерального крыла демократической партии. Многие высказывания Э. Кеннеди свидетельствуют о том, что он придерживается в настоящее время трезвых позиций по ряду важных вопросов. Сенатор, в частности, резко критикует многие явления американской жизни, происходящие в условиях глубокого кризиса американского общества, упоминать о чем стало, по его мнению, уже тривиальным.

Политическая философия Э. Кеннеди не зиждется на каких-то совершенно новых концепциях. Он считает, что концепции, выработанные в ведущих кругах американской буржуазии в конце 50-х — начале 60-х годов нашего века, полнее всего отвечают задаче наиболее успешного приспособления США к соревнованию двух противоположных социально-экономических систем.

Действительность 70-х годов свидетельствует о том, что дополненная и обновленная ныне политическая платформа президента Дж. Кеннеди остается идейным

⁵⁸ Цит. по: CR, 15.VII.1971, p. 7693.

⁵⁹ «Time», 29.XI.1971, p. 22, 24.

⁶⁰ В 1976 г. истекает срок полномочий Э. Кеннеди как сенатора от штата Массачусетс. В настоящее время он является членом сенатской юридической комиссии, комиссии по труду и социальному обеспечению, специальной комиссии по делам престарелых. Он возглавляет также сенатскую подкомиссию по делам беженцев и подкомиссию по здравоохранению.

знаменем сторонников «новых рубежей» и «новой политики». Воззрения Э. Кеннеди, по мнению американских исследователей, являются выражением идейного «наследия Кеннеди». Э. Кеннеди часто выступает не как деятель, отстаивающий это «наследие», а как политик, собирающий голоса избирателей, что налагает свой отпечаток на порой весьма резкую критику республиканской администрации.

Невиданная кампания, начавшаяся в США в связи с предстоящим в 1976 г. 200-летием страны, происходит в условиях обострения ее социально-политических проблем. Правительство обещает в оставшийся срок разрешить такие сложные вопросы, как обеспечение полной занятости, предотвращение дальнейшего загрязнения окружающей среды, улучшение системы образования, здравоохранения, жилищных условий и т. д. Однако подобные обещания делались и раньше, в том числе и на рубеже 1968 и 1969 г., когда республиканцы сменили демократов в правительстве. За прошедшие годы безработица возросла, ассигнования на социальные нужды урезаны, неутомимо ползет вверх кривая преступности, «кризис городов» достиг неслыханных масштабов.

Неспособность правительства разрешить многие жгучие проблемы Э. Кеннеди связывает с «конституционным кризисом», который, по его мнению, США переживают в 70-х годах. По мере приближения 200-летней годовщины критика сенатором отказа нынешней Америки от «демократического наследия» молодой нации конца XVIII в. приобретает все больший резонанс. Речь идет не только о массовом антивоенном движении, хотя именно позорная война во Вьетнаме всколыхнула Америку. Речь идет о серьезном недовольстве американцев отходом правящих кругов Вашингтона от большинства декларированных буржуазно-демократических идеалов Америки конца XVIII в., больше того — о глубоком разочаровании в этих идеалах, которые буржуазия США вот уже почти 200 лет выдает за самые прогрессивные и демократические.

Борьба за возвращение к «демократическому наследию» и является той «точкой опоры», на которой строится вся политическая философия Э. Кеннеди, полагающего, что такая позиция повлияет на число его сторонников в 1976 г. Он, разумеется, убежден, что в эти буржуазно-демократические идеалы можно вдохнуть новую жизнь, покончив с «конституционным кризисом», ведущим не к желательной, с его точки зрения, «мирной эволюции», а к «разрушительной революции», чего он стремится избежать любым путем.

Воздавая должное достижениям страны за два столетия, он констатирует, что «тревожно большое число» граждан США, включая способную молодежь, потеряло веру в американские политические институты: это, по его мнению, одно из последствий нынешнего кризиса. «Я не помню,— признает Э. Кеннеди,— чтобы когда-нибудь раньше существовал такой кризис доверия к нашим национальным лидерам, такие глубокие разногласия»⁶¹.

Нашумевшее в этом году «Уотергейтское дело» подлило еще больше масла в огонь. «Уотергейт», по мнению Э. Кеннеди,— «опасная национальная трагедия». Под этим он имеет в виду не только и не столько самый факт установки республиканцами подслушивающих устройств в штаб-квартире демократической партии в период проведения кампании по выборам президента в 1972 г. Э. Кеннеди смотрит гораздо шире, увязывая этот вопрос с «конституционным кризисом», считая «Уотергейт» символом как внутренней, так и частично внешней политики республиканской администрации. «Бомбардировки Камбоджи, замораживание ассигнований на социальные нужды, оправдание неограниченных привилегий исполнительной власти, притеснения прессы и заключение в тюрьмы журналистов — вот злоупотребления, которым нет числа... и имя им — Уотергейт»⁶²,— говорил он в мае 1973 г.

Отдавая себе отчет в том, что причин для растущего протеста очень много, он, однако, утверждает, что виной тому не общественная система, существующая в США, а «беспечность нации», ведущая к «беспечности в политике».

В предисловии к своей книге «Решения на десятилетие. Политика и программы на 70-е годы» Э. Кеннеди пишет: «Америка не обращала серьезного внимания на не-

⁶¹ CR, 18.V.1970, p. 7298.

⁶² «The New York Times», 6.V.1973.

обходимость федеральной помощи нашим переполненным школам, пока Советский Союз не запустил Спутник... Мы игнорировали нашу расовую трагедию, пока полицейские не начали травить собаками негритянских граждан Бирмингема, мы забывали о городских трущобах, пока пожары и перестрелка не напомнили нам о горькой судьбе их обитателей... При всем нашем богатстве мы не можем осуществить реформы политической и экономической структуры общества. Во всяком случае, лучшая часть нашей молодежи и наши беднейшие граждане приходят (а некоторые из них уже пришли) к выводу о том, что американская система не стоит уже того, чтобы ее спасать»⁶³.

Америка 70-х годов значительно отличается не только от Америки 200-летней давности, но и от Америки 50-х годов. В 50-х годах острота «кризиса доверия» не ощущалась так, как сейчас, не существовало такого мощного движения протеста против политических и социальных «изъянов» капиталистической системы. Анализ внутриполитической обстановки в США показывает, что вопросам совершенствования механизма управления, поискам наиболее эффективных средств борьбы с социальным протестом, равно как и усилению идеологического воздействия на широкие массы, уделялось гораздо больше внимания, чем решению многих неотложных социально-политических проблем по существу. Все это свидетельствует, по словам Э. Кеннеди, «о полном неуважении правительства к наследию нации... Любой, верящий в принципы «Билля о правах» или в 14-ю поправку к конституции (о гарантии прав на жизнь, свободу и собственность.— А. Е.), считается в какой-то степени антипатриотом. В день 4 июля, когда Америка ежегодно празднует юбилей Декларации независимости, в США трудно найти человека, который рискнул бы подписаться под ее текстом». Э. Кеннеди призывает усилить борьбу в защиту конституционных прав американцев, в противном случае, заявляет он, основной закон США потеряет всякий авторитет, а страна будет охвачена оргией насилия»⁶⁴.

Разумеется, эти и им подобные размышления Э. Кеннеди во многом носят чисто риторический характер. Он исходит из теории о так называемой исключительности американского капитализма и исторического прошлого США. Однако призывы хотя бы частично добиться восстановления идеалов «ценного наследия» (вызванные прежде всего желанием предотвратить эвентуальную угрозу коренных социальных потрясений) не имеют под собой почвы, ибо не может быть тождества между Америкой 1776 г. и Америкой 70-х годов нашего столетия. В. И. Ленин, сделав научный анализ высшей и последней стадии в развитии капитализма, показал, что превращение монополистического капитализма в монополистический вызвало крупные изменения. Соединенные Штаты, писал В. И. Ленин в 1917 г., «скатились вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих»⁶⁵.

Э. Кеннеди часто говорит о своей вере в преходящий характер «болезни» американского буржуазного общества. Он утверждает, что США якобы в состоянии покончить с хронической безработицей посредством различного рода государственных программ по обеспечению работой (в прошлом, однако, использование таких программ приводило лишь к временному и частичному сокращению безработицы). Он считает, что в современных условиях в США можно покончить с расовой дискриминацией, если большинство американцев будет исходить из «веры Америки в достоинство личности». Он рассуждает о важности «модернизации традиционной политической структуры», об усилении эффективности первичных выборов, о создании передовой системы государственного здравоохранения, ибо в некоторых частях страны медицинское обслуживание — «худшее в мире». Он говорит о необходимости «непосредственного вовлечения масс в процесс принятия государственных решений», о «пробуждении» интересов народа к будничным делам своего округа. «Эти предложения могут показаться радикальными,— размышляет Э. Кеннеди,— но фактически они выражают не больше того, к чему стремился еще Джефферсон почти 200 лет назад»⁶⁶. По всей

⁶³ E. K e n n e d y. Decisions for a Decade. Policies and Programs for the 1970's. New York, 1968, p. 20—21.

⁶⁴ CR, 13.V.1970, p. 7112.

⁶⁵ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 38.

⁶⁶ E. K e n n e d y. Decisions for a Decade, p. 43.

видимости, 200-летнего «стремления» приобщить массы к «непосредственному управлению» американским государством оказалось явно недостаточно...

В целом его «точку опоры» можно определить словами В. И. Ленина, которые по-прежнему звучат актуально: «буржуазия Европы и Америки, в лице своих идеологов и политических деятелей, все чаще выступает с защитой так называемых социальных реформ против идеи социальной революции»⁶⁷.

Формирование внешнеполитической философии Э. Кеннеди, начавшееся в 1967—1968 гг., совпало по времени с периодом, когда Р. Кеннеди вступил в борьбу за пост президента. Раньше Э. Кеннеди уделял гораздо меньше внимания внешней политике, обходя стороной такой животрепещущий вопрос, как война США во Вьетнаме. Сенатор не числился среди активных критиков эскалации преступной войны, возможно потому, что фактически под президентской печатью Л. Джонсона, санкционировавшего расширение агрессии в Юго-Восточной Азии, стояла подпись Джона Кеннеди. Однако органическая взаимосвязь внешней и внутренней политики США, необходимость поиска гибких форм приспособления к новым реальностям современного мира вынудили Э. Кеннеди более четко определить свою позицию. Видя, как пагубно война во Вьетнаме влияла на развитие международных отношений США, на внутриполитическое положение в стране, Э. Кеннеди стал высказываться за ограничение масштабов военных действий, призывая в 1967 и 1968 гг. к безоговорочному прекращению бомбардировок территории ДРВ и началу мирных переговоров. Широкий резонанс получило его заявление на пресс-конференции 5 ноября 1967 г. В ответ на вопрос, одобряет ли он действия некоторых студенческих групп в США, дающих свою кровь жертвам американских бомбардировок в ДРВ, Э. Кеннеди сказал: «Я также готов дать свою кровь любому нуждающемуся в ней человеку». Такие горячие головы в США, как сенатор Б. Голдуотер, немедленно заклеили ответ Э. Кеннеди «близким к предательству»⁶⁸.

Политика вьетнамизации, провозглашенная правительством, вылилась, как известно, в безжалостное уничтожение того самого народа, который США обещали «спасти». На Индокитай было сброшено такое количество бомб, взрывная сила которых равна примерно 200 атомным бомбам, каждая из которых равна атомной бомбе, сброшенной на Хиросиму. «Аргументы о необходимости устроить «кровавую баню» противнику, используемые администрацией,—говорил Э. Кеннеди в июне 1970 г.,—призваны обеспечить президенту быструю военную победу, а не длительный мир»⁶⁹. За месяц до этого, пытаясь привлечь общественное мнение США на свою сторону, Э. Кеннеди, обращаясь к американцам, сказал: «Конец этому убийству (во Вьетнаме.— А. Е.) зависит от меня и от вас... Все те, кто действительно потрясен новым поворотом событий, должны усилить свой голос протеста и потребовать окончания проведения сумасшедшей политики»⁷⁰.

Сенатор приветствовал прекращение военных действий во Вьетнаме и Лаосе, как и начало постепенного урегулирования индокитайских проблем, на которые вынуждены были пойти США и их марионетки. По его мнению, цели США в Азии могут быть достигнуты с помощью экономических и политических средств. Не дело американских солдат, говорил Э. Кеннеди, подавлять партизанские движения, особенно если таким путем США сохраняют азиатские страны «для мандаринов и землевладельцев», что само по себе служит причиной народных волнений. Упор в американской политике должен быть сделан на «силы национализма» в Азии, которые, по его словам, сами смогут противостоять «коммунизму». Эти силы, по мысли Э. Кеннеди, гораздо более эффективны, чем вооруженная интервенция США⁷¹. Он, следовательно, как и Джон Кеннеди, хотел бы «перехватить революцию» и использовать национализм в качестве союзника.

В настоящее время Э. Кеннеди, одобряя исключительно важные для дела мира результаты переговоров на высшем уровне между СССР и США, возглавляет движение за немедленное прекращение всех подземных ядерных испытаний, за то, чтобы

⁶⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 305.

⁶⁸ J. Newfield. Robert Kennedy. New York, 1969, p. 121.

⁶⁹ CR, 23.VI.1970, p. 9565.

⁷⁰ «Time», 6.V.1970.

⁷¹ E. Kennedy. Decisions for a Decade, p. 136.

Соединенные Штаты не чинили препятствий заключению договора о полном запрете этих испытаний, основанном на современных национальных технических средствах контроля за соблюдением условий договора, а не на инспекциях на местах.

Представляет интерес позиция Э. Кеннеди в отношении стран Латинской Америки. Признавая провал нынешней политики США в Латинской Америке, сенатор предлагает вернуться к первоначальным идеям, связанным с сопевшим ныне с политической спены «Союзом ради прогресса». Он осуждает США за поддержку непопулярных военно-полицейских режимов в ряде латиноамериканских государств, что, на его взгляд, ныне не отвечает высшим интересам американского капитала. Э. Кеннеди призывает также к выводу американских войск с военно-морской базы США в Гуантанамо, нормализации отношений с Кубой, к прекращению экономической и политической блокады, не принесшей свои плоды.

Защищая курс на ослабление напряженности между Востоком и Западом, сенатор приветствовал договоры ФРГ с социалистическими странами, соглашение четырех держав по урегулированию вопросов, относящихся к Западному Берлину, и другие конструктивные мероприятия, ведущие к безопасности и мирному сотрудничеству в Европе.

70-е годы представляются Э. Кеннеди решающими для того, чтобы окончательно отбросить изжившую себя политику «холодной войны». Теперь, по его мнению, открывается дорога к мирному развитию европейских государств, к ликвидации военных организаций Варшавского договора и НАТО.

Однако он не проявляет столь же трезвого подхода ко многим другим проблемам. И это прежде всего касается его позиции по ближневосточному конфликту. Помимо прочих мотивов, которыми руководствуется Кеннеди, поддерживающий израильских экстремистов, его поведение объясняется опасением потерять на президентских выборах голоса 6-миллионного еврейского населения США, значительная часть которого находится под влиянием сионистов. Э. Кеннеди приветствует шаги правительства Никсона в отношении КНР, выступает за полное дипломатическое признание Китая, за гибкое маневрирование американского политического курса с целью скорейшего использования антисоветской политики группы Мао Цзэ-дуна.

Внешнеполитические воззрения Э. Кеннеди во многом вытекают из его внутривполитических рассуждений, из его «точки опоры». Именно боязнь такого развития событий, когда вместо желательной, на взгляд сенатора, «мирной эволюции» наступает момент «разрушительной революции», и определяет его мировоззрение как для внутреннего потребления, так и на экспорт.

* * *

В ноябре 1972 г. в США завершились президентские выборы, оставившие у власти правительство республиканской партии. Американские обозреватели практически едины во мнении: Эдвард Кеннеди в скором будущем начнет борьбу за широкую социальную базу поддержки своей кандидатуры. Опросы общественного мнения в США показывают, что он пользуется популярностью среди значительной части молодежи, негров, рабочих, католиков, лиц с низкими доходами, среди людей, придерживающихся либеральных взглядов. В последнее время наблюдается поддержка его кандидатуры частью так называемого центра американского общества. Он, видимо, продолжит свои резкие критические выступления по вопросам внутренней политики, поддерживая в то же время президента по некоторым внешнеполитическим вопросам, таким, в частности, как перестройка отношений с Советским Союзом и Китаем, ограничение гонки ядерных вооружений.

Сейчас невозможно предугадать (да и нет в этом никакой необходимости) всего, что может произойти в ближайшем будущем. Важно отметить другое: курс американского правительства в начале 60-х годов, и особенно внешнеполитические меры, направленные на оздоровление международной обстановки и отражавшие новое соотношение сил на мировой арене, получили свое дальнейшее развитие в 70-х годах, что отвечает объективным законам исторического развития. Итоги советско-американских переговоров на высшем уровне ознаменовали начало ослабления международной напряженности, нормализации отношений и взаимного делового сотрудничества двух

великих держав, что отвечает интересам всего миролюбивого человечества. Само собой разумеется, что существование «кеннедизма» не зависит от того, будет ли последний из братьев Кеннеди избран президентом. Т. Соренсен утверждает, что политические взгляды и принципы братьев Кеннеди могут оказаться «полезными и эффективными в течение многих лет и, возможно, десятилетий»⁷². Эти концепции более гибки, чем многие другие, рожденные в правящих кругах американской буржуазии в условиях все углубляющегося общего кризиса капитализма, но, как можно убедиться, они носят лишь паллиативный характер и не являются средством, способным вывести США из трясины этого кризиса.

В отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии говорится: «В условиях противоборства с социализмом господствующие круги стран капитала как никогда боятся перерастания классовой борьбы в массовое революционное движение. Отсюда — стремление буржуазии применять более замаскированные формы эксплуатации и угнетения трудящихся, ее готовность в ряде случаев идти на частичные реформы, с тем чтобы по возможности удерживать массы под своим идейным и политическим контролем...

Однако приспособление к новым условиям не означает стабилизации капитализма как системы. **Общий кризис капитализма продолжает углубляться**»⁷³.

В настоящее время трудно со всей определенностью сказать, удастся ли сторонникам Кеннеди во всей полноте претворить в жизнь идеи покойного президента. Пока можно лишь констатировать, что в проходящей вокруг «кеннедизма» идеологической борьбе участвуют весьма влиятельные круги американской буржуазии.

⁷² T. S o r e n s e n. The Kennedy Legacy. A Peaceful Revolution for the Seventies, p. 16, 271, 324.

⁷³ «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 15.